

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 23-го Января 1911 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 10200.

Маленький человекъ.

„Дорогая моя Лизочка, вотъ и во второй разъ рѣшаюсь я писать тебѣ. На первое письмо ничего ты мнѣ не отвѣтила, а я думалъ, что прошелъ годъ, какъ Лизочка ушла отъ меня, бросила все, какъ трялку бросають, ну, можетъ быть, и соскучилась, вспомнила.

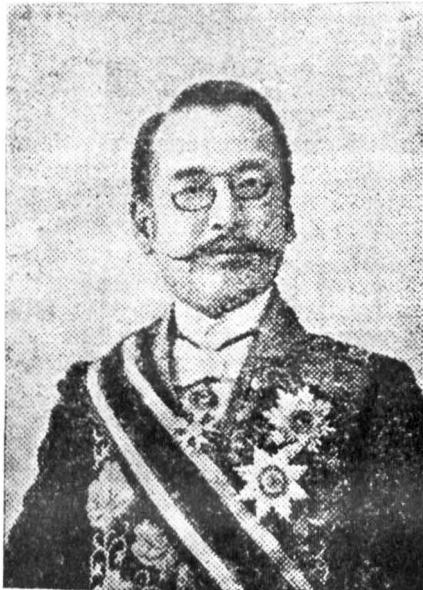
Я не сержусь, совсѣмъ не сержусь. Я самъ виноватъ, что поздно семью завель. Ты и совсѣмъ молоденькая была... Какъ я волновался, какъ Бога молилъ, чтобы хоть одно слово пришло отъ тебя! Приду на службу, разбираю бумаги, корреспонденціи, а у самого руки такъ и дрожатъ. Знаю, что сюда и не могло быть адресовано твоё письмо, а все таки казалось, что вотъ сейчасъ выглядитъ твой конвертъ, и на немъ такія знакомыя кругленькія буквы. Закричалъ бы, кажется, на всю комнату, всѣхъ служащихъ переполошилъ. Да не пришло письмо, не выглянула конвертикъ. Вѣрно, тебѣ очень весело и хорошо у господина Бобрикова. Еще бы, такой важный баринъ! Ходитъ козыремъ, грудь колесомъ, шагаетъ широко, точно на приступъ идетъ. Бобровый воротникъ такъ и серебрится. Спинку не гнетъ, не жмется, не сторонится. Такъ и шагаетъ по сединѣ тротуара. Тихимъ голоскомъ не станетъ говорить. Домъ особнякъ съ моей хатенкой на окраинѣ и не сравнишь, свои лошадки—кучеръ словно нѣмецкая пивная бочка, повязанная краснымъ шарфомъ.

Все это такъ, все это я, Лизочка, понимаю. Молоденькой хочется размахнуться, пошиковывать, принарядиться, особенно красивой. Я все понимаю, но если это только на потѣху? Если все это, Лизочка, только на потѣху? Вотъ живешь ты у Бобрикова годъ, и все хорошо. Комнаты у васъ большія, свѣтлые, мебель съ разными узорами, обѣды сытные, купеческие. Горничная на цыпочкахъ ходитъ, въ бѣломъ фартучкѣ. Улыбается все, на подносикѣ носить. Я понимаю, я понимаю, Лизочка! Но представь себѣ: проходитъ мѣсяцъ, тамъ еще другой и третій, и вдругъ приходитъ господинъ Бобриковъ, немножко хмурый, въ глаза не смотритъ и говоритъ:

— Не нужны вы мнѣ, Елизавета Михайловна. Скучно стало. Уходите, Елизавета Михайловна.

Ну а потомъ еще тысяченку въ руку сунетъ. Знай, молъ, нашихъ. Вотъ и вспыхнутъ щечки, глаза слезами налиются. Да ужъ поздно, ужъ ничего нельзя будетъ сдѣлать. Тогда и спросишь сама себя, за что меня обидѣла, за что дѣвочку нашу обидѣла, Катеньку.

Ты думаешьъ, она ничего не понимаетъ. Она все понимаетъ, по глазкамъ ея видно. Вотъ, можетъ быть, благодаря Катенькѣ я и пишу тебѣ. Ты только послушай, послушай, Лизочка. Когда написалъ я тебѣ въ первый

Принцъ И Помъ-Чинъ.

Корейскій посланникъ въ С.-Петербургѣ. 13 января онъ покончилъ съ собою.

Д. К. Сементовскій-Курилло.

Русскій посланникъ въ Софиѣ, скончался 13 января.

разъ и никакого отвѣта не получилъ, то у меня прямо руки опустились. Ходилъ самъ не свой. Работалъ точно во снѣ, и дома даже Катеньки не замѣчалъ. И вотъ, разъ иду со службы и чувствую, что прямо душитъ меня тоска. Тогда я какъ то машинально и повернулся на Сольную улицу, думалъ, что шумъ, суетолока и пестрая толпа немного разсѣять.

Не прошелъ я двухъ шаговъ, какъ вдругъ пронеслись прямо мимо меня парные сани. Лошади словно звѣри, кучеръ бочка-настоящая, медвѣжья полость, словомъ, все какъ слѣдуетъ. А въ санкахъ ты, Лизочка. Розовенькая, важная, никого не видишь. Шляпка та-кая, что только въ хорошемъ магази-

нѣ можно увидѣть. Сначала я даже думалъ, что мнѣ все это померещилось. Потомъ очнулся и вдругъ, себя не помня, бросился бѣжать за тобой, прямо по улицѣ. Шапка слетѣла, кто то толкнулъ въ бокъ. Совсѣмъ, вѣроятно, походилъ я на сумасшедшаго. Помнится, кричалъ я:

„Лизочка! Лизочка! Одну минутку!“

Помнится, ты даже обернулась, а потомъ кучера толкнула въ спину. Лицо у тебя было испуганное. Кого же ты испугалась? Да, вѣдь, я и сейчасъ тебѣ въ ноги поклонюсь, все забуду. Я тихій, я зла не помню.

Скрылись твои санки. Побрѣль обратно. Смотри, кто то суетъ мнѣ мою шапку и улыбается. Я взялъ шапку и, кажется, подумалъ—„Почему это человѣкъ улыбается, что ему такъ весело?“ Побрѣль дальше и не знаю даже, сколько шелъ и куда. Фонари загглисъ. Витрины магазиновъ слѣпили глаза. Прохожіе почему такъ подъ ноги и лѣзли. И вотъ такъ, словно въ какомъ туманѣ, забрѣль я въ кабакъ и, можетъ быть, первый разъ въ жизни пиль и пиль. Иногда на минуту совсѣмъ дурѣлъ. Припоминаю и это. Упливали куда то въ сторону и ка-бацкая комната, и чьи то лохматыя головы, и всѣ мои мысли, а потомъ— и это было самое страшное,—вдругъ словно кто свѣчу зажигалъ въ этихъ потемкахъ. Все прояснилось, все ми-гомъ припоминалось, схватывался за голову, а передъ глазами твои сани неслись; снѣгъ разлетается во всѣ сто-роны, кучеръ какой то багровый, а ты по прежнему розовенькая и важная. И ни однѣ сани неслись, а цѣляя тысячи,—сплошной кругъ какой-то, нескон-чаемая вереница! И вездѣ, вездѣ ты, Лизочка. Толкаешь кучера и кричишь ему (ясно слышалъ, что кричишь):

— Гони, гони, Евстафій! Тамъ вонь какой то сумасшедшій за нами увя-зался. Это не мужъ мой, Трофимъ Александровичъ... Бродяжка какой то въ выцѣвшемъ пальто... У меня не могло быть такого мужа, Евстафій. Гони-ка лошадей!

И опять все потухало предъ глазами. Сколько времени все это продолжалось—самъ не знаю. Только уже подъ утро явился я домой, въ свою хатенку. Вошелъ въ столовую,—столъ нашъ, диванъ обрисовались въ предразсвѣт-ныхъ сумеркахъ, и меня какъ то сра-зу отрезвило. Стыдно такъ, больно, ноги ноютъ, въ ушахъ звонъ. Думаю, только бы дѣвочка меня не услышала. Раздѣлся потихоньку и на цыпочкахъ, крадусь черезъ столовую въ мою ком-нату, въ нашу комнатку, Лизочки. И вдругъ такъ весь и задрожалъ, за-стылъ на мѣстѣ, шагу не могу сдѣлать и опять словно ночь въ комнатѣ.

Изъ Катенькиной комнаты несется тоненъкій—тоненъкій голосокъ:

— Это ты, папа?

Ничего особенного, слова какъ сло-ва, а я ни съ мѣста. Дыханіе затаиль-ся, руки почему-то впередъ вытянуль-

Операционный залъ въ новомъ зданіи Харьковского СПБ. Международного Коммерческого Банка.

и согнулся. Хочу сказать,— „Я, дѣточка, я; спи себѣ,“ но не могу. И вотъ скрипнула дверька, и Катя вышла. Въ сумеркахъ едва фигурку ея можно было разобрать. Малюсенькая такая, ру-башенка бѣлымъ пятномъ колеблется, внизу тонкія босенькія ножки вид-нѣются.

— Я не спала, говорить, я тебя ожидала.

Чего то я спросилъ:

— А Арина гдѣ? (Няня ея, она и убираетъ и стираетъ; славная женщина).

Спросилъ и получилъ возможность двигаться. Бросился на диванъ и за-рыдалъ. А Катенька уже у меня на кольяхъ. По лицу гладить и волосы мои тоже гладить.

— Ты за мамой, папа, скучаешь? Не плачь, папа, не плачь.

Словно водой холодной она меня облила. Поднялъ голову, смотрю въ ея глаза и не узнаю. Такие большие были въ этомъ утреннемъ полумракѣ, а главное, какъ то сразу было видно, что все знаютъ, все понимаютъ эти глаза. Дѣвочки только шесть лѣтъ подумай, Лизочка. А вижу — все, все она понимаетъ. И еслибы я рассказалъ ей, какъ тебя встрѣтилъ, что со мной сдѣлалось и куда я пошелъ, она бы и это поняла.

Сдѣлалось мнѣ въ тотъ часъ еще больше, точно взялъ я, большо ду-ракъ, да съ себя самого на дѣтскія плечики и скинуль свою бѣду, свое горе.

Тогда я и рѣшилъ написать тебѣ это второе письмо. Изъ-за Катеньки рѣшилъ, а еслибы не написаль, такъ, кажется, не могъ бы въ ея глазки посмотретьъ.

Вотъ она какая.

Оотани Сонжу.

Новый буддийскій митрополитъ. Не-давно состоялась религіозная цере-монія посвященія его въ санъ ми-трополита и бракосочетанія съ прин-цессой крови японскаго император-скаго дома.

Ну, подумай, ну, на одну минуту по-думай — смѣемъ ли мы ее мучить?. Смѣемъ ли мы ее тираничить? Вѣдь, все твое веселье, комнаты разныя, эти ло-шадки, медвѣжья полость, диковинная шляпка, вѣдь, все это на малюсенькой дѣтской спинкѣ покоится! И горе мое на ней. Все на ней, и выростеть наша дѣвочка согнутая, блѣдная, хилая. Да, и выростеть ли еще? Ну, хорошо. Не буду говорить объ этомъ. Сердце у тебя, Лизочка, вѣдь, не пропало же.

Я не сержусь. Я и не умѣю сердиться. Возвращайся къ намъ. Не ожидай Бобриковскаго гнѣва. Или ты его ужъ такъ крѣпко опутала? Возвращайся,

Лизочка, я и глазомъ не моргну, сло-ва не скажу. Да, что... Я въ ножки тебѣ поклонюсь. А если не бѣдность наша, а я самъ тебѣ противенъ, такъ я въ кухню переберусь, ты меня и видѣть не будешь, слова не услышишь. Что хочешь дѣлай, только будь около дѣвочки.

Я понимаю, хорошо понимаю, что въ доброй пестели сладко спится, за богатымъ столомъ пріятно кушать, но, вѣдь, и господинъ Бобриковъ не такой ужъ богатый и важный. Въ концѣ концовъ просто купчикъ, да еще ба-зарный купчикъ. Не по средствамъ живеть, удаль свою показать хочетъ. Да и тобою. Лизочка, щеголяешь какъ новой шапкой или шубой. Глядите, моль, какая красавица. И безъ дур-ныхъ замашекъ, не какая-нибудь ка-фештантанная бабенка.

Надо сказать къ тому же, что и мы теперь не такъ бѣдны. Даже совсѣмъ не бѣдны, Лизочка. Ты не бойся. До-микъ какой ни на есть — свой. Низкіе потолки, да головкой не зацѣпишь. Зато зимой одна печь вѣсъ комнаты нагреваетъ. А нашу спальню ты теперь и не узнала бы. Я, видишь ли, отъ тоски одно занятіе себѣ нашелъ — по дереву, вечерами, выпиливаю, а Ка-тушка глазки пучить и радуется когда узорные кусочки дерева выпа-даютъ. Весь годъ выпиливаю. Больно глазамъ, но зато думаю, какъ придетъ Лизочка, такъ и не узнаетъ своей ком-наты. Ей Богу, не узнаешь. Всюду на стѣнахъ рѣзные полки и рамки съ портретами. А около твоего комодика (все по прежнему на мѣстѣ, ничего я не тронулъ; даже пуховочка и щипцы лежатъ около зеркала), да, около комо-да на стѣнѣ рѣзной шкафикъ, внутри подклѣенъ красной бумагой (приходи, я и шелкомъ подклѣю) и очень краси-

во. Большой шкафикъ, это тебѣ для разныхъ мелочей, коробочекъ разныхъ. Къ тому же твой диванчикъ я освѣжилъ. Обиль его ситцемъ. Новыя занавѣси повѣсила. Войдешь, какъ въ рай. Уютно такъ, точно въ хоромахъ.

Вѣдь, я теперь, Лизочка, уже не архиваріусъ. Меня въ регистратуру перевели, на двадцать рублей жалованье прибавилось. Тому будетъ уже три мѣсяца. Семьдесятъ рублей, Лизочка, ты только подумай. И квартира даромъ. Хочь пиры задавай! Да, что, я тебѣ самъ горничную найму. Такъ за тобой и будетъ ходить, пальчикомъ не пошевельнешь, ни за что сама не тронешься. Да я самъ буду все дѣлать, самъ буду на цыпочкахъ ходить. Только бы у Катеньки мать была.

Да и наряды, совсѣмъ не хитрая штука. У насъ теперь кстати во дворѣ швейка живетъ. Славно работаетъ и недорого. Я бы тебѣ, Лизочка, такое шелковое платье сдѣтала, что ты сама только бы руками развелла.

Вѣдь, все-таки шесть лѣтъ мы прожили. Не покривлю душой — привыкъ, каждый денекъ помню. Люблю тебя, Лизочка. Помнишь, какъ познакомились, какъ все у насъ пошло? Ты у насъ на ремингтонѣ работала. Какъ солнышко была въ комнатѣ. У тетки жила, а я къ вамъ захаживалъ, все кофеекъ приносилъ, а ты, моя хохотунья, варила и печеньемъ лакомилась. И вотъ разъ такъ послѣ этого самаго кофейку я и сказалъ тебѣ все. Закраснѣлась, помню, руку мнѣ протянула.

Ну, да что. О себѣ мнѣ не къ мѣсту говорить. Маленький я человѣкъ. Горе мнѣ не въ первой Тутъ все дѣло въ Катенькѣ. Подумай, подумай объ этомъ. Она меня своими глазами измучила. Такая малюсенькая, а глаза какъ у большой.

Не вѣрится, что вернешься. Да, да, кучера своего въ спину толкала. Сумасшедший, моль, какой то увязался, Бродяжка нищій... Ахъ, голова моя разрывается! Не вѣрю, нѣтъ, нѣтъ; ты просто не узнала меня...

Отвѣтъ хоть одно словечко. Ну, трудно ли? Я Катенькѣ прочту. Я и тогда просилъ объ этомъ. Да и не къ спѣху. Сегодня не напишется, настроение что ли нѣтъ, такъ завтра. Я подожду... И недѣльку подожду.

Чуть не забылъ. Наша то Арина,— я ужъ тебѣ говорилъ о ней,—наша Арина славно тѣсто дѣлаетъ. Пирожки у нея выходятъ одинъ восторгъ. Да что, не только пирожки, все у нея чудесно выходятъ. Ну, прямо поваръ, она у меня, Лизочка.

Трофимъ Корюшкинъ".

А. Станкевичъ.

Единственный памятникъ Наполеону въ Германіи.

Случайно найденный недавно въ Мюльгаузенѣ и въ послѣднее время реставрированный.

Вооруженіе полицейскихъ въ разныхъ странахъ.

ОХРАНЯЙТЕ ПТИЦЪ!

Ежегодно расходуется громадная сумма денегъ на борьбу съ вредными насѣкомыми почти во всѣхъ странахъ, а въ особенности въ С. Америкѣ, и тѣмъ не менѣе и тамъ признали, что, несмотря на громадные затраты на разные яды, невозможно одолѣть насѣкомыхъ, такъ какъ количество природныхъ враговъ—насѣкомоядныхъ птицъ—уменьшилось. Одинъ изъ энтомологовъ Америки говорить, что „если

бы птицы, обидѣвшись на несправедливое отношеніе къ нимъ, прекратили свою добровольную службу, то въ теченіе семи лѣтъ насѣкомыя размножились бы до такой степени, что покрыли бы собой землю въ количествѣ одного на квадратный дюймъ“. Изъ года въ годъ замѣчаемое увеличеніе насѣкомыхъ всецѣло зависитъ отъ уменьшенія птицъ. Въ прежнее, старое время у насъ было всегда изобиліе птицъ; теперь же, вмѣстѣ съ прогрессомъ, когда каждый вершокъ земли обрабатывается, и для этого вырубаютъ не только лѣса, но даже и одноко стоящія деревья въ полѣ, птицамъ нѣтъ спокойнаго мѣста для исполненія своихъ материнскихъ обязанностей, и онѣ переселяются въ другія, болѣетихія мѣста, и не прекращавшіяся прежде пѣсни ихъ постепенно слышатся все рѣже и рѣже.

Преимущество птицъ, въ сравненіи съ другими средствами, заключается въ томъ, что каждый отдельный видъ птицъ равномѣрно выступаетъ противъ разныхъ вредителей и во всякое время, въ одинаковой степени, преслѣдуетъ эту задачу, а не периодично или неравномѣрно въ разные годы; кроме того, въ лицѣ птицъ мы имѣемъ постоянную защиту отъ чрезмѣрного распространенія неизвѣстныхъ намъ вредныхъ насѣкомыхъ, которыя могутъ появиться или даже уже существуютъ, но, благодаря малому количеству, еще нами не замѣчаются. Эти обстоятельства настолько важны для сохранности нашихъ культуръ, что мы должны такъ или иначе охранять и привлекать насѣкомоядныхъ птицъ. Привлеченіе и разселеніе птицъ не можетъ совершиться сразу, ибо въ продолженіе многихъ лѣтъ уничтожались всѣ удобства для жизни птицъ въ нашихъ мѣстностяхъ, поэтому и пройдутъ годъ или другой, пока мы возобновимъ всѣ тѣ удобства, которыя необходимы для спокойнаго жития и размноженія полезныхъ насѣкомоядныхъ птицъ. Первымъ необходимымъ условиемъ для этого кормленіе птицъ въ зимнее время и ранней весной, такъ какъ птицы въ это время съ трудомъ находятъ себѣ питаніе. Кормленіе должно начаться съ начала

зимы, дабы птицы привыкли, причемъ, при хорошей погодѣ, слѣдуетъ подсыпать корму какъ можно меньше, чтобы заставить ихъ искать себѣ пищу. Наибольшій процентъ смертности отъ голода нужно приписать тому, что птичье тѣло до начала кладки яицъ требуетъ большого питанія; кроме того многія перелетныя птицы не привычны къ морозамъ и часто прилетаютъ къ намъ еще въ февраль, а потому въ эромъ мѣсяцѣ и въ марѣ при плохой погодѣ, а въ особенности

при гололедицѣ, необходимо давать кормъ. Для дачи корма устраиваютъ кормушки, которыя ставятъ въ группахъ деревьевъ, кустарниковъ; такъ берется ель или сосна безъ корней и втыкается среди этихъ группъ, кроме того отдѣльная вѣтка этихъ хвой, прикрепленная къ окнамъ, крышамъ служатъ отличными кормушками. Кормъ приготавляется следующимъ образомъ: берутъ сухие куски хлѣба, толкуютъ ихъ, къ этому добавляютъ мелко изрубленное (фаршъ) отварное мясо, сѣмена подсолнуха и все это вмѣстѣ кладутъ въ кипящее говяжье сало и помѣшиваютъ, чтобы не было слишкомъ густымъ. Приготовленнымъ кормомъ, еще въ горячемъ состояніи, посредствомъ ложки, суженной съ одного конца, обиваются вѣтки кормушки такимъ образомъ, чтобы жидкость попадала между иглами; позднѣе жидкость остываетъ и вѣтки имѣютъ видъ, какъ бы покрыты яицами и личинками насѣко-мыхъ. Какъ уже было сказано, благодаря культурнымъ работамъ, птицамъ нѣдѣлѣ жить, и, какъ показали наблюденія, если предоставить имъ подходящія мѣста для выведенія потомства, то птицы являются въ массѣ и зани-

— Подумай, Карль, лекторша нелавно умерла, задолжавъ портнихѣ 20 тысячъ марокъ.
— Ну и что жъ?
— Ну, разъ ея мужъ не можетъ заплатить этой суммы, онъ долженъ жениться на портнихѣ.
(„Fleg. Bl.“)

Помѣщица старому мужику, давно съ ней знакомому.—Ну, какъ поживаешь, старина?
Мужикъ—Да что же, мы все старѣемъ и глупѣемъ.
— Мы? Я этого не замѣчаю.
— Ну, конечно, не мы, а другіе замѣчаютъ.
(„Fleg. Bl.“)

маютъ подходящія для нихъ квартиры. Такія квартиры или такъ наз. искусственные гнѣзовища дѣлаются изъ чурокъ дубовыхъ, ольховыхъ, сосновыхъ, въ которыхъ высверливаются гнѣзовыя углубленія, которыя собственно представляютъ изъ себя точную копію дятлеваго дупла; входъ въ гнѣзда дѣлается круглый и уклоняющійся къ верху для защиты отъ дождя; крышка и приспособленія для прикрепленія дѣлаются изъ полувершковаго дуба. Подробное описание такихъ гнѣзовищъ, способы установки и т. п. можно получать въ Экономическомъ отдѣлѣ харьковской губернской земской управы. Кромѣ корма и устройства квартиръ, необходимо насѣкомоядныхъ птицъ защищать отъ ихъ враговъ: главными изъ нихъ являются несомнѣнно кошка и воробей. Въ районахъ, где эти враги имѣютъ свободный выборъ мѣстожительства и свободу дѣйствій, заселеніе насѣкомоядными птицами не мыслимо. Кошка уничтожаетъ подро-

стающее поколѣніе, воробей нахально отнимаетъ у насѣкомоядныхъ птицъ гнѣзда, онъ своей хищнической наклонностью превосходитъ всѣхъ другихъ хищниковъ. Извѣстный германскій защитникъ птицъ фонъ Берлепшъ говоритъ, что „уничтоженіемъ воробьевъ увеличивается количество другихъ птицъ и наоборотъ“. Изъ другихъ враговъ—соколь, ястребъ, коршунъ, крысы, лисица, сусликъ, бѣлка, куница.

Наиболѣе полезныя насѣкомоядныя птицы у насъ въ Харьковской губ., это: иволга, скворецъ, дроздъ, горихвостка, славка, ласточка, разныя синицы, королекъ, овсянка, жаворонокъ, дятель, кукушка, зябликъ.

Х. Клейнъ.

*

И снова ночь, и снова слезы.
Воспоминанья и кошмаръ,
Навѣкъ поруганныя грезы
И мысли пламенной пожаръ.
А утро, раннее заглянетъ,
Какъ совсѣмъ тихая въ окно—
И на душѣ мрачнѣе станеть,
Что сердце жить еще должно.
Но маской яркой арлекина
Прикрою муки сердца я
И буду пѣть, что жизнь—едина
И счастье—въ счастьѣ бытія.

*

Не мѣшай мнѣ плакать,
Погаси свѣчу;
Въ тишинѣ и мракѣ
Я побыть хочу.
Пусть не видять очи
Недруговъ моихъ,
Какъ во мракѣ ночи
Плачу я отъ нихъ,
Чтобъ, когда я выйду—
Утромъ за порогъ,
Врагъ мой—что на сердцѣ,
Угадать не могъ.

Ѳ. М.

СМѢСЬ.

Свадьба на дирижаблѣ.

Корреспондентъ „Central News“ сообщаетъ объ оригинальномъ бракосочетаніи, устроенному миссъ Марией Шельтонъ и мистеромъ Стювъ.

Молодые нареченные рѣшили обѣнчаться на дирижаблѣ и этимъ положили, конечно, начало цѣлому ряду такихъ эксцентричныхъ свадебъ въ духѣ американцевъ.

На дирижабль былъ приглашенъ пасторъ, согласившійся совершить обрядъ бракосочетанія на высотѣ 250 метровъ отъ земли, послѣ чего молодые, совершивъ вмѣстѣ съ пасторомъ небольшое воздушное путешествіе, опустились на землю и въ автомобиль отправились назадъ въ городъ, гдѣ ихъ ожидалъ парадный обѣдъ.

Отъ души поднесъ!

Случай, о которомъ говорятъ теперь въ театральномъ мірѣ Москвы.

Маститый артистъ пожелалъ себя почествовать въ бенефисъ и заказалъ самъ себѣ роскошный лавровый вѣнокъ.

— Мама, ты, конечно, купила у этого продавца звѣрей?

— Нѣтъ, да, вѣдь, это не разносчикъ, — это дама, которая у меня была съ визитомъ.
(„Fleg. Bl.“)

Вѣнокъ передъ спектаклемъ доставили въ режиссерскую комнату театра. Антрепренеръ, увидя цвѣты, полюбопытствовалъ узнать, отъ кого они, но никакой визитной карточки не нашелъ.

Тогда онъ вынулъ свою визитную карточку и прикололъ къ лентѣ вѣнка.

Вѣнокъ поднесли.

Бенефиціантъ, увидя карточку антрепренера, былъ страшно возмущенъ, но поступилъ умно.

Онъ пошелъ благодарить антрепренера, обнялъ его и расцѣловалъ, подумавъ,—„вотъ мерзавецъ!“

— Отъ души поднесъ!—сказалъ растроганный антрепренеръ.

